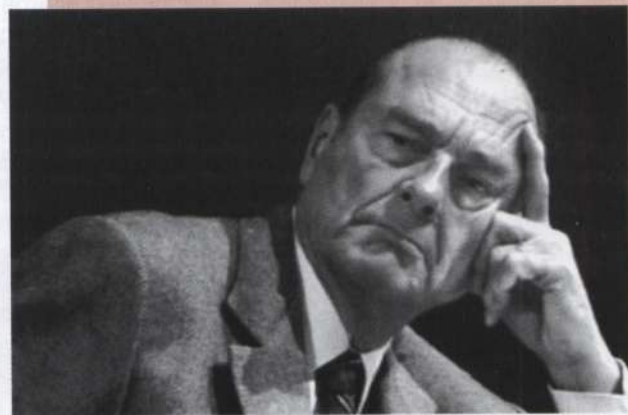

Размышления об итогах и уроках выборов президента Франции

ОПАСНОЕ «сожительство»

Очередные, седьмые по счету президентские выборы во Франции периода Пятой республики, прошедшие 21 апреля и 5 мая 2002 г., принесли ряд крупных неожиданностей. Главная из них – выход во второй тур голосования вождя ультраправого Национального фронта Жана-Мари Ле Пена, ставшего основным соперником действующего главы государства неоголлиста Жака Ширака. Лидер социалистов премьер-министр Лионель Жоспен, а вместе с ним и все левые партии оказались устраненными из дальнейшей борьбы. Это резко изменило традиционный двухполюсный расклад политических сил, заставив левых избирателей отдать свои голоса во втором туре Шираку, который и вышел победителем.

Можно не сомневаться, что эти события окажут немалое влияние на внутреннюю, а отчасти и на внешнюю политику Франции в течение предстоящих пяти лет второго президентского мандата Ширака. Однако их значение гораздо шире. Сам факт выхода во второй тур на выборах главы французского государства деятеля, открыто бросающего вызов основным ценностям демократии, расшатывает сложившиеся правила политической игры, если не ее конституционные рамки. Поэтому анализ хода и итогов прошедших во Франции президентских выборов представляет немалый интерес не только для самих французов, но и для международной, в том числе российской, общественности, тем более, что Конституция РФ 1993 г., полномочия главы государства, способ его избрания во многом перекликаются с французской моделью.

Контекст

Закладывая почти полвека назад основы Пятой республики, генерал де Голль исходил из того, что парламентская система Третьей и Четвертой республик изжила себя, оказавшись губительной для национальных интересов Франции. «Будучи уверен в том, что суверенитет принадлежит народу, если он выражает свое мнение напрямую и целиком, я не допускаю дробления этого суверенитета между различными интересами, представляемыми партиями... Для того, чтобы государство было, как ему и положено, инструментом обеспечения единства Франции, высших интересов страны, преемственности национальной политики, я полагал необходимым, чтобы правительство формировалось не парламентом, то есть партиями, а стоящим над ними главой государства, получившим свой мандат непосредственно от всей нации и способным благодаря этому хотеть, решать и действовать», – писал де Голль в «Мемуарах надежды», ставших его политическим завещанием.

Вернувшись к власти после 12 лет пребывания в непримиримой оппозиции, генерал добился проведения своих идей в жизнь. Составленная

по его мерке конституция 1958 г. отводила решающую роль президенту, избранному в соответствии с реформой 1962 года всеобщим голосованием. «Президент Республики избирается абсолютным большинством поданных голосов. Если это большинство не собрано в первом туре, то в следующее за ним второе воскресенье проводится второй тур. В нем могут участвовать получившие наибольшее число голосов в первом туре с учетом случая, когда опережающий кандидат снял свою кандидатуру», – гласит статья 7 действующей конституции Французской республики¹.

Необходимость предусмотреть не один, а два тура голосования диктовалась традиционной для Франции многопартийностью. Считается, что в первом туре избиратель высказывает свое предпочтение тому или иному кандидату, даже если он не имеет шансов быть избранным, а во втором туре голосует за того, кто может помешать победе неприемлемой кандидатуры. Подобная система, отчасти применяющаяся и на выборах в Национальное собрание (нижнюю палату парламента), до сих пор не давала сбоев. Характерно, что социалист Франсуа Миттеран, резко критиковавший конституцию 1958 г. в период своего пребывания

в оппозиции, с избранием главой государства в 1981 и 1988 годах нашел ее вполне подходящей для себя.

Вместе с тем особенностью действующей конституции является то, что она не перенесла во Францию президентский режим американского образца. Если в США президент одновременно возглавляет правительство, то во Франции сохранился пост премьер-министра, назначаемого главой государства, но ответственного перед парламентом. До тех пор, пока большинство в Национальном собрании политически соответствовало президентскому, вертикаль власти функционировала без проблем: правительство и премьер занимались текущими делами, прежде всего экономикой, тогда как президент определял принципиальные ориентиры государства, особенно в сфере политики и обороны.

Положение начало меняться с 1986 г., когда левые партии, находившиеся у власти предыдущие пять лет, проиграли парламентские выборы. В соответствии с традицией президент-социалист Ф.Миттеран назначил лидера главной партии победившей правой оппозиции – неоголлистского Объединения в поддержку республики (ОПР) Ж.Ширака премьер-министром. Это впервые открыло период так называемо-

Юрий РУБИНСКИЙ,
руководитель Центра
французских исследований
Института Европы РАН

¹ Французская республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 31.

го «сожительства» главы государства и правительства разной политической ориентации, который был отмечен острой борьбой между ними (тем более, что через два года предстояли президентские выборы, где они должны были стать ведущими кандидатами от левого и правого лагерей). Аналогичная ситуация повторилась в 1993–1995 и 1997–2002 годах.

Поначалу практика «сожительства» находила, если верить опросам, поддержку большинства французов, считавших, что она позволяет проводить сбалансированную линию, избегающую чрезмерных перекосов влево или вправо. Со временем, однако, раскол на вершине исполнительной власти, оба носителя которой несли за нее ответственность, начал вызывать разочарование, а затем и раздражение в стране.

Согласно статье 20 конституции, правительство определяет и проводит политику нации, оно распоряжается администрацией и вооруженными силами. Тем не менее президент даже в условиях «сожительства» сохраняет немалые полномочия: он ведет еженедельные заседания Совета министров, представляет страну на международных переговорах, от него зависят многие кадровые назначения.

Коль скоро Ширак и Жоспен готовились к борьбе за Елисейский дворец на следующих президентских выборах (они уже были главными соперниками на предыдущих – в 1995 г.), каждый старался насолить конкуренту где только можно. Очевидно, что это никак не способствовало эффективности процесса при-

нятия решений и дискредитировало политическую систему в глазах как французов, так и международной общественности.

К тому же в условиях глобализации мировой экономики и углубления европейской интеграции большинство нормативных актов стран – членов Евросоюза должны учитывать решения органов ЕС в Брюсселе, что неуклонно сокращает свободу действий национальных правительств, в том числе французского. Неудивительно, что различия в программах, а главное – в практической деятельности ведущих «системных» партий, менявшихся у власти во Франции за последние 20 лет пять раз, сводились к минимуму. В результате у избирателя создавалось впечатление, что от его голосования по существу ничего не зависит. В ходе опроса, проведенного незадолго перед президентскими выборами 2002 г., более половины французов ответили, что вообще не видят большой разницы между правыми и левыми партиями.

Отрыву французской политической элиты от повседневных забот и тревог рядовых граждан способствовало ее рекрутирование из весьма узкого социального слоя – верхушки столичной бюрократии и технократии, вышедшей из одних и тех же привилегированных высших учебных заведений: Института политических наук, Политехнической школы, Национальной школы администрации (ЭНА). «Энархами», как их называют, оказалось большинство министров, премьеров и президентов, в том числе Ширак и Жоспен.

Растущая непопулярность пред-

ставителей верхнего эшелона политического истеблишмента была связана с серией громких скандалов на почве коррупции, запятнавшей немало кадров видных деятелей основных партий, в том числе на министерских постах, а в какой-то степени и окружение президента.

Между тем экономическое положение в стране за последние два года постепенно деградировало. Снижение темпов роста экономики, начавшееся в США, распространилось на Европу, в том числе на Францию, где снова обострилась смягчившаяся было проблема занятости (число ищущих работу достигает 9,5% самодеятельного населения). Это ухудшило социальный климат, особенно в промышленных предместьях крупных городов, где усилились преступность, хулиганство, наркомания. Именно там сосредоточена основная масса иммигрантов, составляющих официально 3,5 млн. человек, но фактически, с учетом нелегальных, – чуть ли не вдвое больше. Если их удельный вес не выше, чем в 30-х годах, то национальный состав за последние 40 лет существенно изменился: европейцев – итальянцев, испанцев, португальцев, поляков – сменили арабы из бывших заморских владений Франции (Алжира, Туниса, Марокко), негры из тропической Африки. Конкуренция на рынке рабочей силы, различия в нравах, обычаях, образе жизни, наконец, религии (ислам стал второй конфессией Франции после католицизма) создали почву для обострения межэтнической напряженности, выдвинув на первый план проблемы обеспечения личной безопасности граждан, иммиграции и занятости. Именно они оказались в центре борьбы перед президентскими выборами 2002 года.

Дали о себе знать и некоторые внешние факторы. Если на пороге XXI века в Западной Европе доминировали левые партии, прежде всего социал-демократы, возглавлявшие правительства в 11 странах – членах Евросоюза из 15, то за последние годы они терпят на выборах одно поражение за другим. Правые подтвердили свое лидерство в Испании и Ирландии, пришли к власти в Италии, Португалии, Австрии, Голландии, Норвегии, Дании. В трудном положении оказались перед сентябрьскими выборами в бундестаг германские социал-демократы. Европа явно идет вправо. Причем ко-

лебания политического маятника, вполне нормальные для демократии, сплошь и рядом выходят теперь за рамки левого и правого центров. Крах коммунизма ведет к тому, что протестный электорат шарахается из одной крайности в другую — от левого экстремизма (еще сохраняющегося отчасти в экзотических формах троцкизма или анархизма) к правому. Ультраправые партии национал-популистского, а то и неофашистского толка собирают на выборах разных уровней 10% голосов в Бельгии, 12% — в Дании, более 14% — в Норвегии, 20% — в Австрии, 23% — в Голландии и даже в богатой, сытой, мирной Швейцарии! Во многих странах их представители вошли в правящие коалиции, заняв ключевые министерские посты.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и кризис на Ближнем Востоке явно сыграли ультраправым на руку. Они способствовали росту недоверия к мусульманской, особенно арабской диаспоре, отождествляемой с исламским фундаментализмом, проявлению расистских и антисемитских эксцессов. На этом фоне результаты выборов президента Франции не выглядят исключением. Напротив, Франция, всегда считавшаяся политическим барометром Европы, просто остается верной своему призванию.

Первый тур

Предвыборная борьба перед первым туром проходила вяло. Реальными претендентами на Елисейский дворец считались только два кандидата — Ширак и Жоспен, представляющие правую оппозицию и левое большинство. Институты по изучению общественного мнения обещали им примерно равные шансы во втором туре. Это не могло не снизить интерес избирателей к первому, тем более, что оба «сожителя» были хорошо знакомы, успели надоесть и не вызывали особого энтузиазма даже у многих собственных сторонников.

Ширак исходил в своей кампании из опыта выборов 1988 г., которые он, будучи премьером, проиграл тогдашнему президенту Миттерану. Оказавшись теперь в положении последнего, он сосредоточился на критике итогов пятилетнего правления социалистов во главе с Жоспеном. Однако снять с себя самого

всю ответственность за эти итоги, а главное, противопоставить им сколько-нибудь притягательную, альтернативную программу главе государства было нелегко, ибо прежние правые кабинеты Балладюра (1993–1995) и особенно его ближайшего соратника Жюппе (1995–1997) не оставили после себя слишком светлых воспоминаний.

Жоспен оказался в еще более сложной ситуации. Не желая находиться в обороне, оправдываясь за те или иные нерешенные проблемы и понимая, что после пяти лет пребывания у власти новые обещания будут звучать неубедительно, он поддавался соблазну подкрепить свою кампанию личными нападками на главного соперника — Ширака. В ход пошли намеки на возраст уходящего президента (71 год), зигзаги его долгой политической карьеры, финансовые скандалы, в том числе столь мелкие, как оплата за казенный счет авиабилетов для членов семьи главы государства при отъезде в отпуск.

Все это, естественно, не украшало самого премьера, провоцируя оппонента на такие же «удары ниже пояса». Истинной находкой для Ширака оказалось то, что в молодости Жоспен был членом одной из мелких троцкистских группировок, по заданию которой вступил в обновленную Миттераном Соцпартию. Премьер долго и упорно отрицал это, уверяя, что его просто спутали с братом, активным троцкистом, но в конце концов признал, что кривил душой. Публично уличенный в обмане, он обесценил репутацию безусловной личной честности, моральной чистоты, которая всегда была его основным козырем.

Однако главная тактическая ошибка премьера состояла в том, что он всячески отрекся от собственного знамени, стремясь тем самым отбить обвинения правых в попытках насадить во Франции бюрократический социализм чуть ли не советского типа. «Я верен ценностям социализма, но моя программа не является социалистической», — постоянно повторял он. Между тем неписанным, но императивным законом политической борьбы на выборах во Франции является правило, согласно которому в первом туре кандидат стремится жесткими лозунгами сплотить собственный электорат и только во втором — привлечь подчеркнутую умеренностью колеблющихся избирателей центра. Начав по существу кампанию второго тура в первом, лидер социалистов оттолкнул от себя протестный электорат своего лагеря на крайне левый фланг — к троцкистам. Только когда из опросов выяснилось, что левые проигрывают в целом, премьер попытался скорректировать тональность своих выступлений, прибавив им «левизны», но было уже поздно.

Ширак не допустил подобной оплошности. Он понимал, что наиболее опасным конкурентом для него внутри правого лагеря может стать только Ж.-М. Ле Пен, соревноваться с которым на почве правых лозунгов было бесполезно. Поэтому Елисейский дворец попытался с помощью закулисных маневров помешать лидеру Национального фронта в сборе 500 подписей выборных лиц минимум в 30 департаментах Франции из 100, необходимых для регистрации кандидатуры, и, наоборот, помочь в этом деле бывшему соратнику Ле Пена — Б.Мегре, отколовшемуся от Национального фронта. Однако подобные маневры не увенчались успехом, лишь сыграли на руку Ле Пену, который получил возможность выступать в выигрышной роли жертвы интриг истеблишмента.

Первый тур президентских выборов, состоявшийся 21 апреля, побил все рекорды по числу зарегистрированных кандидатов: их было 16 — вдвое больше, чем в среднем на всех предыдущих. На правом фланге, наряду с неоголлистом Шираком, выступали лидер центристского Союза за французскую демократию (СФД) Франсуа Байру, председатель партии «Либеральная демократия» Ален Мадлен, ультраправые Ле Пен и Мегре. К ним примыкали представитель правого крыла экологов, бывший министр Корин Лепаж и кандидат «охоты и местных традиций» Жан Сен-Жосс¹.

Левых кандидатов было еще больше. Помимо лидера социалистов Жоспена, в предвыборной борьбе участвовали руководитель компартии Робер Ю, эколог Нозель Мамер, отколовшийся от Соцпартии бывший министр внутренних дел Жан-Пьер Шевенман, представительница левых радикалов Кристан Тобира и целых три троцкиста — Арлетт Лагийе, Оливье Безансоне и Даниэль Глюкстейн.

Подобное разнообразие, сравнимое разве что с российским, объяс-

¹ Это экзотическое движение является ответом любителей охоты и рыбной ловли (а их во Франции свыше 2 млн.) на требования экологов жестко регламентировать их в деле защиты фауны, что находит поддержку брюссельских органов Евросоюза. — *Прим. авт.*

нялось не только «моральным износом» ведущих «системных» партий и их кандидатов, но и тем, что не за горами парламентские выборы, назначенные на 9 и 16 июня 2002 года. Они должны были состояться до президентских, но решением левого большинства депутатов сроки их проведения перенесены. Поэтому президентские выборы в какой-то мере переплелись с парламентскими: для тех, кто не рассчитывал всерьез на Елисейский дворец, это была всего лишь удобная возможность сделать себе и своим партиям рекламу, повысив шансы в борьбе за депутатские мандаты. Для многих второстепенных кандидатов пакет голосов, полученных ими в первом туре, должен был послужить разменной монетой для торга с будущим президентом за поддержку, а то и за министерские портфели в новом правительстве.

Первый тур отличался и небывалой для президентских выборов во Франции пассивностью избирателей. В голосовании не приняли участия 27,86% зарегистрированных избирателей. Еще 3,4% опустили недействительные или незаполненные бюллетени, что фактически можно считать голосованием «против всех» (обычно удельный вес тех и других на выборах главы государства не превышал 15–20%). Наибольшее число воздержавшихся было на северо-востоке страны, где сконцентрирована значительная часть ее промышленного потенциала, – в Парижском районе, департаментах Марна, Нор, Мозель, Мерт-э-Мозель, которые в прошлом служили прочными бастионами левых партий.

Неудивительно, что именно левые кандидаты потерпели самое тяжелое поражение: Лионель Жоспен получил всего 16,12%, коммунист Робер Ю – 3,39%. Первый ухудшил свой прежний результат, полученный в первом туре президентских выборов 1995 г., на 7 пунктов; электорат второго сократился за тот же период в 2,5 раза. Компартия оказалась, по существу, сметенной с политической арены страны. Лидер Соцпартии заявил о своем уходе из политической жизни.

Весьма посредственно выглядели и итоги Ширака, которому достались 19,6% голосов. Это его худший результат с 1981 г., когда лидер неоголлистов впервые выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах, в которых участвовал за 20 лет четыре раза. Ни один президент Пя-

ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА СТАЛИ НЕ СТОЛЬКО ПОБЕДОЙ ЛЕ ПЕНА, СКОЛЬКО ПОРАЖЕНИЕМ ЕГО ПРОТИВНИКОВ КАК В ЛЕВОМ, ТАК И В ПРАВОМ ЛАГЕРЯХ.

той республики, добивавшийся переизбрания на второй срок (де Голль, Жискард д'Эстен, Миттеран), не получал в первом туре столь скромного числа голосов.

«Мелким» кандидатам тоже нечем было похвастаться: Байру достались 6,86%, Шевенману, Мамеру, Лагийе – от 5% до 6% каждому, остальным – и того меньше. Девяти кандидатам, не преодолевшим пятипроцентный барьер, государство не возместит из бюджета часть расходов на предвыборную кампанию, которую им придется целиком оплачивать из партийного или собственного кармана.

Ле Пен получил 16,95% и прошел во второй тур. Считать этот результат сенсационным прорывом было бы преувеличением: это всего на два пункта больше, нежели на двух предыдущих президентских выборах 1988 и 1995 годов. Итоги первого тура стали не столько победой Ле Пена, сколько поражением его противников как в левом, так и в правом лагерях, ставших жертвами абсентеизма и распыления голосов. Но если к результату лидера Национального фронта добавить 2,35%, поданные за Мегре, то все же получится, что удельный вес ультраправых во Франции достигает почти одной пятой избирательного корпуса, то есть уровня соседних европейских стран. Это не могло не вызывать беспокойства у основной массы французов.

Второй тур

Итоги голосования 21 апреля были восприняты в стране как «политичес-

кое землетрясение». Уже вечером в Париже начались стихийные демонстрации под лозунгами «Остановить Ле Пена!», «Фашизм не пройдет!». С тех пор на протяжении двух недель между двумя турами на улицы французских городов ежедневно выходили десятки тысяч людей, среди которых впервые после событий мая–июня 1968 г. было немало учащейся молодежи. Пиком митинговой активности французов стало празднование 1 мая, когда число антилепеновских демонстрантов достигло 1,5 миллиона.

В таких условиях Ширак неожиданно для самого себя оказался во главе мощного, хотя и крайне разнородного массового движения, направленного не столько в его поддержку, сколько против лидера Национального фронта. Оценив эту нештатную ситуацию, глава государства обратился к соотечественникам с призывом объединиться в защиту прав человека: «Сегодня речь идет о нашей национальной сплоченности, о ценностях Республики, которым французы глубоко преданы. Речь идет о самом нашем представлении о Франции, ее роли и месте в Европе и в мире... Речь идет о нашей демократии», – заявил он («Le Monde», 23 апреля 2002 г.).

Подобное заявление отвечало требованиям момента. Оно могло быть оценено даже левыми избирателями, которые волей-неволей признавали, что Ширак, в отличие от лидеров либеральных и консервативных партий Австрии, Италии, Португалии, никогда не шел на компромиссы с Национальным фронтом, а Ле Пена считал не только политическим противником, но и личным врагом (встречая с его стороны полную взаимность).

Один Б.Мегре поддержал своего конкурента, но и «крестного отца» Ле Пена. Все остальные кандидаты первого тура и их политические партии прямо или косвенно призывали голосовать во втором туре за Ширака (воздержаться предпочла лишь троцкистка Лагийе). Такую же позицию заняли ведущие профсоюзы, представители основных конфессий и церквей, национальных меньшинств и интеллигенция.

Во втором туре 5 мая число воздержавшихся резко сократилось, их оказалось 19,86%, опустивших недействительные или незаполненные бюллетени – 5,4%. За Ширака проголосовали 82,15% принявших участие в голосовании, за Ле Пена –

17,85% (он фактически повторил свой результат первого тура). Вывод французских СМИ был однозначен: демократия победила, Франция спасла свою честь в глазах мирового сообщества.

Тем не менее эта победа отнюдь не дает ответа на весьма серьезные вопросы. Как могло случиться, что на родине Декларации прав человека и гражданина почти каждый пятый избиратель отдал свой голос политике, который вот уже более 40 лет выступает под лозунгами национальной нетерпимости, сеет ненависть и вражду к людям иного этнического происхождения и религиозных верований? Кто эти 5,5 миллионов французов и француженок, голосовавших за Ле Пена, какие причины толкнули их сделать такой выбор? Наконец, какие социально-экономические и политические перемены нужны стране, чтобы это не повторялось в еще большем масштабе в будущем?

Географическое распределение голосов, поданных за Ле Пена в обоих турах, дает возможность довольно точно очертить контуры его электората. Лидер Национального фронта добился наибольшего успеха в восточной, экономически наиболее развитой части страны, где особенно чувствительны замедление темпов экономического роста, последствия структурных сдвигов, высока безработица и значительно присутствие иммигрантов из «третьего мира».

За него голосуют как прежние сторонники умеренных правых партий неоголлистов и центристов, так и левых, включая бывших коммунистов. В социальном плане лепеновские избиратели — преимущественно мужчины с низким уровнем образования и доходов, проживающие в небольших городах и в деревне. Среди них 38% — безработные, 30% — рабочие, 20% — крестьяне. Остальные — служащие, торговцы и ремесленники, представители средних слоев. Иными словами, это типично протестный «народный» электорат, разочаровавшийся в любых умеренных партиях и ищущий способ выразить свое недовольство.

В числе причин такого недовольства на первом плане, согласно опросам, у избирателей Ле Пена фигурируют отсутствие гарантий безопасности, безработица, бедность, недостатки судебной системы, низкие пенсии, высокие цены и налоги. 18% опрошенных называют виновниками этого иммигрантов, столько же —

европейскую интеграцию («Le Figaro», 23 апреля 2002 года).

Секрет успеха Ле Пена состоит в том, что он сумел сыграть на этих вполне реальных болевых точках. В ходе предвыборной кампании лидер Национального фронта обещал резко ужесточить уголовное и иммиграционное законодательство, восстановить смертную казнь, выдворить большинство иностранцев из страны, дать преимущество французам при приеме на работу, снизить налоги, а заодно и вывести Францию из Евросоюза, отказаться от евро, вернуть старый добрый франк.

Один из лидеров Социалистической партии признал как-то, что Ле Пен ставит верные вопросы, но дает на них ложные ответы. Во Франции, где четверть самодеятельного населения работает на экспорт, возврат к протекционизму, закрытие границ для товаров, капиталов и людей чревато экономической катастрофой. Крайне низкая рождаемость среди коренного населения делает неизбежным дальнейший импорт рабочей силы, хотя и, бесспорно, регулируемый. Наконец, жесткие репрессивные законы сами по себе нигде и никогда не снижали преступность, если для нее сохранилась социальная почва. Голосование во втором туре показало, что подавляющее большинство французов отдают себе в этом отчет, решительно отвергая все, что способно поставить под удар завоеванные за 200 лет демократические права и свободы.

Тем не менее одной лишь полемикой с Ле Пенем, уличными демонстрациями и голосованиями на вы-

борах причины, породившие Национальный фронт, не устранить. Будущее страны зависит от способности ее лидеров решить реальные проблемы, стоящие перед Францией в начале XXI века.

Что дальше?

Парадокс результатов второго тура состоит в том, что Ширак, получивший самое значительное большинство за всю историю республиканского строя во Франции, располагает пока довольно ограниченной свободой действий. Среди поданных за него 25 млн. голосов доля умеренных правых составляет всего 10,8 млн., а левых, голосовавших не за Ширака, а против Ле Пена, — 12,2 млн. Иными словами, президент обязан переизбранием скорее своим противникам, чем сторонникам.

Между тем, как уже отмечалось, 9 и 16 июня 2002 г. предстоят выборы в Национальное собрание, где левые попытаются взять реванш, а Ле Пен сделает все, чтобы выступить в роли арбитра между ними и умеренными правыми партиями. Именно так произошло на предыдущих парламентских выборах 1997 г., когда более чем в 70 округах из 577 в ответ на отказ умеренных правых от сотрудничества с Национальным фронтом Ле Пен сохранил во втором туре своих кандидатов, расколов правый лагерь и облегчив тем самым приход к власти левоцентристского правительства Жоспена. В случае повторения такого варианта страна была бы вновь обречена на «сожительство».

Предотвратить подобную перспективу — главная задача, поставленная

переизбранным на второй срок президентом перед назначенным им новым правительством. Его состав и программа деятельности свидетельствуют о том, что Ширак понял поданный избирателями сигнал и пытается так или иначе учесть его.

Премьер-министром назначен представитель не ОНР, а центристского Союза за французскую демократию сенатор Жан-Пьер Раффарен, председатель регионального совета области Пуату-Шарант. То, что на сей раз правительство возглавил не столичный «энарх», а гибкий местный политик либерального толка из глубокой провинции, должно продемонстрировать приближение элиты к «корням». Большая часть членов правительства также провинциалы, причем 21 из 27 заняли министерский пост впервые. Это призвано подчеркнуть решимость к обновлению и омоложению политического персонала. Шесть министров и госсекретарей – женщины, в том числе Мишель Альо-Мари, председатель ОНР, впервые ставшая министром обороны. Важные посты получили беспартийные представители гражданского общества: министром экономики и финансов назначен крупный предприниматель Франсис Мер, министром народного образования – философ Люк Ферри.

Вторым человеком в кабинете стал один из самых влиятельных, энергичных и амбициозных деятелей неоголлистской партии – Никола Саркози. Он возглавил министерство внутренних дел, безопасности и местных свобод (то есть местного самоуправления), под началом которого полиция объединена с жандармерией (ранее она подчинялась министерству обороны).

Приоритетными задачами кабинета, поставленными президентом, должны стать наведение порядка в криминальных городских пригородах, где царят банды хулиганов, «демонстрация» мафиозных структур, борьба с преступностью несовершеннолетних, снижение уровня безработицы и налогового бремени, налаживание социального диалога предпринимателей с профсоюзами, децентрализация. Успеет ли кабинет за весьма сжатые сроки убедить общественное мнение в своей способности решать эти задачи и тем самым обеспечить президенту прочное правящее большинство в парламенте, покажет будущее.

Вместе с тем очевидно, что предстоит существенные преобразования в самом политическом механиз-

ме, призванные застраховать его от повторения кризисных ситуаций, подобных политическому кризису 2002 года. Отсюда попытка Ширака создать на волне своей победы единую правящую партию, способную не только уравновесить социалистов слева, но и решительно потеснить Национальный фронт справа. Ее основой должен стать недавно созданный Союз за президентское большинство (ЮМП), которому предстоит пройти «боевое крещение» на июньских выборах в Национальное собрание.

Шансы на успех этой комбинации пока неясны. Президентское большинство должно по определению быть шире парламентского. Результат же Ширака в первом туре прошедших президентских выборов слишком скромный, а во втором – чересчур широк, включая как минимум половину его непримиримых левых противников. Между тем умеренные правые – центристы из Союза за французскую демократию (Ф.Байру), «Либеральная демократия» (А.Мадлен), сторонники бывшего министра внутренних дел «твердокаменного» голлиста Ш.Паскуа и национал-традиционалиста виконта Ф. де Вилье решили выдвинуть в первом туре собственных кандидатов. На этом разброде опять попытается играть Ле Пен, который грозит, в случае отказа иметь с ним дело, расколоть правый лагерь.

Если умеренным правым партиям все же удастся под давлением Елисейского дворца согласовать единые кандидатуры во втором туре, одержать убедительную победу и создать общую депутатскую фракцию в новом составе Национального собрания, то попытка федерирования неоголлистов с либерал-центристами в некое подобие республиканской партии могла бы иметь успех. Она сочетала бы экономический либерализм с социальными реформами, европеизм с национал-патриотизмом, твердую исполнительную власть с гарантиями гражданских свобод.

Однако такая перспектива просматривается пока с трудом. В случае неудачи правых 9–16 июня (хотя и маловероятной) ситуация осложнится опять: правый лагерь окажется в положении левого до 1981 г., когда главной силой в нем были коммунисты. Социалисты не могли тогда целых 23 года прийти к власти ни без них, ни вместе с ними. Миттеран успешно решил эту задачу квадратуры круга, создав в 1971 г. союз с компартией, но перетянув на свою сторону боль-

шинство ее избирателей. В результате он стал президентом и пробыл в Елисейском дворце 14 лет.

Трудности решения правыми аналогичной задачи связаны не только с отторжением Национального фронта четырьмя французами из пяти. В верхушке ОНР – основной политической опоры главы государства сразу же после его переизбрания на второй (и последний) срок развернулась подковерная борьба за право стать законным наследником Ширака на президентских выборах 2007 года. В ней столкнулись министр внутренних дел, безопасности и местных свобод Н.Саркози и бывший премьер, ныне мэром г. Бордо А.Жюппе, пользующийся доверием президента и оказавший большое влияние на формирование кабинета Ж.-П. Раффарена.

Затягивание процесса модернизации режима Пятой республики путем упрощения партийно-политической системы перенесет этот процесс в плоскость конституционных реформ. По мнению ряда французских аналитиков, речь идет о расширении полномочий главы государства, изрядно девальвированных «сожительствам», вплоть до перехода к последовательному президентскому режиму, уравновешенному процессом децентрализации – увеличением прав местных органов власти в регионах, департаментах, коммунах, которое было начато социалистами, но остановилось на полпути.

Сокращение срока полномочий главы государства с семи до пяти лет и перенос сроков парламентских выборов 2002 г. можно считать первыми шагами в этом направлении. Среди французских юристов, политологов, да и политиков сейчас обсуждаются и иные варианты, например, совмещения президентских выборов с парламентскими, о чем шли разговоры и в России. Смысл такой реформы состоит в том, что она увеличивает шансы на формирование политически единой властной вертикали, снижая риск нового «сожительства» – одной из главных причин нынешнего политического кризиса.

Другие предложения сводятся к тому, чтобы либо установить последовательный президентский режим, либо вернуться к парламентскому, но модернизированному по образцу Великобритании или ФРГ. Однако к столь радикальным реформам страна и ее политическая элита, судя по всему, еще не готовы.

